

Юрий Колкер

АКМЕИСТ? НЕТ, ФУТУРИСТ

Вот уже несколько дней через силу читаю — перечитываю спустя десятилетия — стихи позднего Мандельштама, — и вижу, что никакой он в 1937 году не акмеист, а полный футурист. Лепит нелепость на нелепость и нелепостью погоняет.

Сквозь эфир десятично-означенный
Свет размолотых в луч скоростей
Начинает число, опрозраченный
Светлой болью и молью нулей.

Что это по смыслу, да и синтаксически? Чушь. Бумажная работа, головизна, вымучивание и выкручивание слов.

И ритмически то и дело — через строфу — ложь. «Москва видит, Москва смотрит» — это у него четырёхстопный хорей такой! Приходится вместо Москва читать Moskau. Как такое оправдать? Только — гениальностью. Договорённостью. Гению всё позволено. Он может правильно, а хочет кривильно.

А содержание! —

Только на крапивах пыльных —
Вот чего боюсь —
Не позволил бы в напильник
Шею выжать гусь.

С голоса подобной абракадабры не напишешь. За столом человек сочиняет. Лишь изредка он словно бы в сознание приходит, и тут проскакивает искра: что-нибудь очень известное, что у всех на слуху:

Стихи должны легко читаться, — это я у Карабчиевского прочёл, да и без авторитетов знал. Правда, по этому критерию Исаковский лучше позднего Мандельштама, и так оно и есть, увы, потому что гусь с напильником вместо шеи — хуже любой советчины. Да и плевать в Исаковского не стоит; стоит — на Мандельштама взглянуть открытыми глазами; не делать из него священной коровы, не умиляться над каждой строкою. Верно: есть у Мандельштама стихи ошеломляюще прекрасные, про которые не знаешь, как они могли возникнуть. Но верно и другое: в стране помешанных человека изумительно одарённого довели до помешательства, и оно так и не прошло до гибели поэта (чердынский его стих «прыжок, и я в уме» — скорее самоутешение, чем правда). Гусь-напильник — тут помешательство налицо. Но что такое футуризм как не помешательство?